

КОНЦЕПТ «КОРЕННЫХ НАРОДОВ» В ГЛОБАЛЬНОМ ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

THE CONCEPT OF «INDIGENOUS PEOPLES» IN THE GLOBAL LEGAL SPACE: A CRITICAL ANALYSIS

Ряховский Д. А.

Ryakhovsky D. A.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена критическому анализу концепта «коренные народы» в глобальном правовом пространстве. Актуальность исследования обусловлена отсутствием универсально признанного и юридически обязательного определения данного термина при одновременном расширении международно-правовых стандартов защиты прав соответствующих этнических общностей. В условиях усиливающегося нормативного многообразия и политизации дискурса о правах человека проблема дефиниционной неопределенности приобретает как теоретическое, так и практическое значение. Целью исследования является выявление концептуальных и дефиниционных противоречий, связанных с использованием категории «коренные народы» в международном и национальном праве, а также оценка ее содержания сквозь призму теории правового плюрализма. Особое внимание уделено российской модели регулирования прав коренных малочисленных народов, основанной на конституционных

ABSTRACT

This article provides a critical analysis of the concept of «Indigenous Peoples» in the global legal space. The relevance of the study stems from the lack of a universally recognized and legally binding definition of this term, amid the simultaneous expansion of international legal standards for protecting the rights of these ethnic communities. In the context of increasing normative diversity and the politicization of human rights discourse, the problem of definitional ambiguity is acquiring both theoretical and practical significance. The aim of the study is to identify conceptual and definitional contradictions associated with the use of the category of «Indigenous Peoples» in international and national law, as well as to evaluate its content through the lens of legal pluralism. Particular attention is paid to the Russian model for regulating the rights of indigenous small-numbered peoples, based on constitutional guarantees and specialized legislation. The study establishes that the concept of «Indigenous Peoples» does not have a universal and immutable legal nature.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

коренные народы;
коренные малочисленные народы (КМН); самобытный;
автохтонные этносы;
индигенность; Организация Объединенных Наций;
права человека.

KEY WORDS

Indigenous Peoples;
Indigenous Small-
Numbered Peoples;
distinctive; autochthonous
ethnic groups; indigeneity;
United Nations;
human rights.

гарантиях и специальном законодательстве.

В результате исследования установлено, что понятие «коренные народы» не обладает универсальной и неизменной правовой природой. Его содержание формируется в зависимости от исторического опыта, колониального наследия, политико-правовых традиций и структуры межэтнических отношений конкретных государств. Отсутствие легальной дефиниции в ключевых международных документах свидетельствует о стремлении сохранить гибкость регулирования и учесть региональное разнообразие.

Ряховский Дмитрий Александрович

– старший советник Департамента многостороннего сотрудничества по правам человека МИД России; 119200, Российская Федерация, г. Москва, Смоленская-Сенная площадь, д. 32/34; r_dmitri@mail.ru

Its content is shaped by historical experience, colonial legacy, political and legal traditions, and the structure of interethnic relations in specific states. The absence of a legal definition in key international documents reflects a desire to maintain regulatory flexibility and accommodate regional diversity.

Ryakhovskiy Dmitry Alexandrovich

– Senior Advisor, Department of Multilateral Cooperation on Human Rights, Ministry of Foreign Affairs of Russia; 119200, Russian Federation, Moscow, Smolenskaya-Sennaya Square, 32/34; r_dmitri@mail.ru

Введение

Понятие «коренные народы» (Indigenous Peoples) занимает устойчивое место в современном международном праве и дискурсе прав человека. Оно закреплено в ряде актов системы Организации Объединенных Наций (ООН), включая Декларацию ООН о правах коренных народов, а также в нормативной деятельности Международной организации труда (МОТ), Всемирного банка и других международных институтов. Вместе с тем универсально признанного и юридически обязательного определения данного термина не существует. Отсутствие общепринятой дефиниции обуславливает как теоретические споры, так и различия в национальных моделях правового регулирования.

Неопределенность содержания понятия «коренные народы» связана как с историческим разнообразием социальных и культурных форм существования соответствующих групп, так и с различиями национальных правовых систем и региональных политико-правовых традиций. В научной литературе термин интерпретируется в рамках различных теоретических парадигм – от либерально-правовой и правочеловеческой до постколониальной и конструктивистской. Это приводит к вариативности критериев отнесения этнических общностей к числу «коренных» и к отсутствию единообразного подхода в международной практике.

В научной литературе проблема «коренных народов» традиционно анализируется через призму теории прав человека и принципа самоопределения народов [1, 2, 3]. Однако подобный подход не в полной мере объясняет множественность интерпретаций данного понятия и различия в его правоприменительной практике. Представляется, что продуктивной теоретической рамкой для анализа выступает концепция правового плюрализма [4], согласно которой в современном мире сосуществуют

Понятие «коренные народы» (Indigenous Peoples) занимает устойчивое место в современном международном праве и дискурсе прав человека

Историко-правовая эволюция термина «коренные народы»

и взаимодействуют различные нормативные порядки – международные, национальные, региональные, а также обычные (традиционные) системы регулирования.

С позиций правового плюрализма термин «коренные народы» можно рассматривать как узловую категорию, находящуюся на пересечении нескольких нормативных систем: универсального международного права прав человека; национальных конституционно-правовых режимов; региональных правовых механизмов; традиционных форм обычного права самих этнических общностей.

В этой перспективе неопределенность дефиниции объясняется не только методологическими трудностями, но и конкуренцией различных источников легитимности и моделей правосубъектности. Международное право стремится сформировать универсальные стандарты защиты, тогда как национальные правовые порядки исходят из собственных историко-политических и социокультурных контекстов. Одновременно сами этнические сообщества могут апеллировать к традиционным институтам и обычному праву, что усложняет процесс нормативной унификации.

Цель данной статьи заключается в критическом анализе понятия «коренные народы» в международном и национальном праве, выявлении его концептуальных и дефиниционных проблем.

В соответствии с поставленной целью формулируется следующий исследовательский вопрос: является ли концептуальная неопределенность термина «коренные народы» следствием теоретической несостоятельности самой категории либо она отражает объективное сосуществование и конкуренцию различных нормативных порядков в условиях правового плюрализма?

Методологическую базу исследования составили сравнительно-правовой анализ международных и национальных нормативных актов, а также историко-правовой метод (для выявления генезиса понятия).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнения научной и правовой терминологии в сфере межэтнических отношений, а также потребностью в выработке более согласованного подхода к определению субъектов специальных гарантий в области защиты этнокультурной самобытности.

Термин indigenous peoples впервые фиксируется в юридических и теологических документах первой половины XVI века в контексте европейской колониальной экспансии эпохи Великих географических открытий. Его появление было связано не только с описанием новых этнических общностей, но и с попытками нормативного осмысления статуса населения колонизируемых территорий. Уже на этом этапе понятие носило амбивалентный характер: с одной стороны, оно использовалось для признания факта первоначального проживания определенных групп на данной территории, с другой – становилось элементом колониального дискурса, в рамках которого выработывались модели подчинения и асимметричного включения этих сообществ в европейские правовые и политические структуры. Представляется, что первоначальный смысл термина был тесно связан с колониальной правовой логикой, что впоследствии повлияло на его международно-правовую институционализацию.

В русскоязычном политическом, научном и правовом лексиконе XVI – начала XX века применительно к нерусскому населению Российского государства использовались понятия «инородцы» и «туземцы». Важно отметить, что в соответствующий исторический период данные термины не всегда носили уничижительный характер и функционировали прежде всего как административно-правовые категории. Вместе с тем их нейтральность не должна абсолютизироваться: в условиях имперской государ-

Появление термина «коренные народы» было связано с попытками нормативного осмысления статуса населения колонизируемых территорий

ственности они отражали иерархичность правового статуса различных групп населения. Таким образом, указанные понятия одновременно выполняли описательную и стратифицирующую функцию. Как отмечают российские исследователи Л. М. Мосолова, А. В. Бондарев, А. В. Зыкин, в европейских языках существуют несколько терминов, близких по значению к понятию «коренные народы».

Во-первых, это слово «аборигены» (от лат. *ab origine* – «от начала»), обозначающее изначальных, первых обитателей определенной территории. Данный термин исторически применялся прежде всего к населению Африки, Америки и Австралии – регионов, вовлеченных в процессы европейской колонизации Нового времени. Следует подчеркнуть, что его употребление формировалось преимущественно в колониальном контексте и зачастую закрепляло представление о цивилизационной дистанции между европейцами и местным населением.

Во-вторых, термин «автохтонные народы» (от др.-греч. αὐτός – «сам» и χθών – «земля») указывает на происхождение народа с определенной территории. В античной традиции он обозначал первооселенцев или древнейшее население страны. В этом смысле близким по семантике является русское слово «туземец» («происходящий от здешней земли»). Однако в современном правовом дискурсе термин «автохтонный» чаще используется в научном, а не нормативном контексте, что ограничивает его юридическую операционализацию.

В-третьих, термин «индигенные народы» (от лат. *indigena*: *indu-/endo-* – «внутри», *-genus* – «рожденный») обозначает уроженцев определенной местности, природных жителей своей страны, унаследовавших образ жизни и территорию проживания от предков. В международно-правовом лексиконе именно этот термин стал основой англоязычного выражения *indigenous peoples*, что свидетельствует о постепенном переходе от описательной к нормативной категории [5, с. 21–28].

Представляется, что «аборигенность», «автохтонность» и «индигенность» не являются строгими синонимами. Их семантические поля пересекаются, однако различаются историческими коннотациями, нормативной нагрузкой и степенью политизации. В частности, «аборигенность» теснее связана с колониальной историей, «автохтонность» – с идеей территориального происхождения, тогда как «индигенность» в наибольшей степени институционализована в современном международном праве.

Таким образом, значение термина «коренные народы» в каждой стране и регионе формируется под воздействием совокупности политических, военных, экономических и культурно-исторических факторов. Более того, сама категория носит контекстуальный характер и отражает не только этнографическую реальность, но и особенности правовой политики государства. В этом смысле можно утверждать, что понятие «коренные народы» является не столько универсальной научной категорией, сколько результатом исторического и нормативного конструирования, закрепленного в определенной правовой традиции.

Терминологические и доктринальные различия в понимании «коренных народов» в странах Азии, Африки и Латинской Америки

Международное обсуждение проблем «коренных народов» с конца XIX века осуществлялось преимущественно на языках европейских государств, сформировавших колониальные империи, прежде всего – английском, испанском, французском и немецком. Данный факт представляется не случайным: именно колониальный опыт стал тем историческим контекстом, в котором возникла потребность в нормативном разграничении «метрополии» и «местного населения». Тем самым уже на уровне языкового оформления международного дискурса заложена определенная асимметрия: концептуализация «коренных народов» формировалась в рамках европейской правовой и политической традиции.

Во французском языке используются термины *autochtone*, *peuples autochtones*, имеющие греческий корень. Этимология этих слов указывает на идею происхождения «от самой земли», что предполагает первичность заселения определенной территории. Аналогичным образом в английском и испанском языках термин восходит к атинскому *indigenae*, который в античном Риме применялся для различения тех, кто родился в данной местности, и тех, кто прибыл извне (*advenae*). Таким образом, на уровне семантики данные понятия объединяет общий элемент – принцип «первенства» в освоении территории.

Однако следует отметить, что этимологическая общность не означает нормативной однозначности. В современных международно-правовых документах идея первичного заселения сочетается с критериями культурной самобытности, исторической преемственности и социально-экономической уязвимости. Это свидетельствует о том, что исходное лингвистическое значение трансформировалось в более сложную правовую конструкцию, включающую элементы как исторической, так и политико-правовой аргументации.

Сформировавшееся в западной политологической и международно-правовой доктрине определение понятия «коренной народ» не получило универсального признания. Особенно показательной является позиция ряда государств Азии, где, по данным ООН, проживает около 70 % представителей так называемых «коренных народов» мира. Многие из этих государств предлагают ограничить применение термина в его классическом колониальном понимании преимущественно контекстом Австралии и Америки. Такая позиция представляется логически обусловленной спецификой исторического развития региона: европейская оккупация в Азии часто являлась лишь одним из этапов длительной истории миграций, завоеваний и этнокультурных трансформаций. В этих условиях критерий «первенства заселения» оказывается методологически затруднительным, а иногда и практически неприменимым.

Например, на Индийском субконтиненте многовековые миграционные процессы сделали практически невозможным однозначное установление того, какая этническая группа может считаться «первоначальной». В данном случае универсализация западной модели «индигенности» сталкивается с объективными историко-демографическими ограничениями. Это позволяет сделать вывод о том, что применение концепции «коренных народов» вне классического колониального контекста требует особой осторожности и учета региональной специфики.

В Африке выражение «коренные народы» применяется не ко всем этносам, а преимущественно к тем, чье существование и традиционный образ жизни находятся под угрозой. Речь идет, например, о народах сан (бушменах) в пустыне Калахари, мбати (пигмеях) во влажных тропических лесах Центральной Африки [5, с. 21–28], а также о кочевниках-скотоводах масаи [6]. В этом случае акцент смещается с критерия первичного заселения на критерий уязвимости и маргинализации. Большинство африканских государств не признают западную постколониальную концепцию «коренных народов» в ее универсалистском варианте, исходя из того, что практически все народы континента являются автохтонными. Подобная позиция отражает стремление избежать внутренней иерархизации этнических групп и возможной политизации различий.

В Латинской Америке правовое регулирование также демонстрирует значительную вариативность. В Перу автохтонные группы признаются не как «коренные народы», а как общины; в Аргентине понятия «индеец» и «член общины» во многом совпадают, что фактически ограничивает категорию территориально и социально. В Конституции Чили отсутствуют положения, закрепляющие особый статус коренных народов, а использование формулировки «этнические группы» ведет к непризнанию

Международно-правовые споры о статусе и содержании понятия «коренные народы»

их традиционных институтов. В Эквадоре выделяются «индейские национальности», объединяющие несколько родственных народов, тогда как в Уругвае официально отрицается само существование коренных народов. В Бразилии приоритет отдается категории местных общин [5, с. 41–42].

Указанная региональная неоднородность позволяет заключить, что понятие «коренные народы» не обладает универсальной и неизменной правовой природой. Его содержание формируется в зависимости от исторического опыта, политических приоритетов и структуры межэтнических отношений конкретного государства. Более того, в ряде случаев отказ от применения данного термина отражает не отрицание культурной самобытности соответствующих групп, а стремление избежать закрепления правовой дифференциации по признаку «первичности» заселения территории.

Таким образом, международный дискурс о «коренных народах» характеризуется выраженной региональной фрагментацией. Это обстоятельство свидетельствует о том, что рассматриваемая категория является не столько универсальной юридической константой, сколько динамичной правовой конструкцией, функционирующей в условиях нормативного и культурного плюрализма.

Председатель – докладчик Рабочей группы ООН по коренному населению Подкомиссии по поощрению и защите прав человека Э. И. Даес в итоговых докладах отмечала: «Никому не удалось разработать определения “коренных народов”, которое было бы четким и внутренне действенным с философской точки зрения и при этом удовлетворяющим требованиям ограничения его регионально-го охвата или юридических последствий. Все прежние попытки достижения в одном определении и четкости, и ограничительности на деле привели к еще большей расплывчатости» [7, с. 21]. По ее оценке, стремление соединить в одной формуле концептуальную определенность и ограничительный характер приводило к неоправданному расширению либо, напротив, чрезмерному сужению содержания понятия. Данный вывод нашел отражение в последующей практике органов ООН, где акцент был сделан не на формальном определении, а на совокупности идентификационных критериев (самоидентификация, историческая преемственность, культурная специфика, связь с территорией).

Показательно, что в тексте Декларации ООН о правах коренных народов [8] отсутствует легальная дефиниция рассматриваемого понятия. Вместо этого документ закрепляет перечень коллективных и индивидуальных прав, включая право на сохранение культурной самобытности (ст. 8, 11), право на участие в принятии решений (ст. 18), а также положения о земле, территориях и ресурсах (ст. 25–32). Такой подход свидетельствует о намерении государств-участников обеспечить нормативную защиту без установления исчерпывающего определения.

Сходная логика прослеживается и в Конвенции МОТ № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни [9], принятой в рамках Международной организации труда (МОТ). Конвенция не содержит строгой дефиниции, а оперирует критериями, включающими историческую преемственность, социальные, культурные и экономические особенности, а также самоидентификацию как фундаментальный элемент (ст. 1). Подобная конструкция демонстрирует стремление международного права учитывать многообразие национальных контекстов.

В практике договорных органов по правам человека, включая Комитет по правам человека и Комитет по ликвидации расовой дискриминации, вопросы статуса коренных народов рассматриваются преимущественно через призму конкретных обязательств государств по международным договорам – прежде всего Международный пакт о гражданских и политических правах [10] (ст. 27) и Международная конвенция

Анализ международных договоров и практики органов ООН свидетельствует о формировании особого нормативного режима, основанного на функциональном наборе критериев и прав

о ликвидации всех форм расовой дискриминации [11]. В указанных актах также отсутствует специальное определение «коренных народов», однако нормы о защите этнических, религиозных и языковых меньшинств нередко применяются к соответствующим группам.

В ходе обсуждения Декларации 2007 года ряд государств подчеркивал необходимость четкого соотнесения коллективных прав коренных народов с принципами территориальной целостности и политического единства государств. Данное положение закреплено в ст. 46 Декларации, согласно которой ее нормы не могут толковаться как допускающие действия, направленные на нарушение территориальной целостности или политического единства суверенных государств. Включение этой статьи отражает стремление обеспечить баланс между коллективными правами и основополагающими принципами международного права, закрепленными, в частности, в Уставе ООН.

Позиция Российской Федерации при голосовании по Декларации была связана с оценкой отдельных положений, касающихся прав на землю, территории и природные ресурсы, а также механизмов компенсации [12]. Подобные вопросы традиционно относятся к сфере внутреннего регулирования и требуют согласования международных стандартов с национальным законодательством.

Дополнительный аспект дискуссии связан с соотношением понятий «коренные народы» и «местные общины». В ряде многосторонних соглашений в области охраны окружающей среды, включая Конвенцию о биологическом разнообразии [13] (ст. 8j), используется формула «коренные и местные общины». При этом международное право не устанавливает тождественности указанных категорий, что предполагает необходимость дифференцированного подхода к определению объема прав и механизмов участия.

Таким образом, анализ международных договоров и практики органов ООН свидетельствует о формировании особого нормативного режима, основанного не на строгой дефиниции, а на функциональном наборе критериев и прав. Отсутствие универсального определения представляется следствием стремления сохранить гибкость регулирования в условиях разнообразия национальных правопорядков и историко-культурных моделей.

В целом международно-правовой режим защиты прав коренных народов характеризуется сочетанием программных декларативных положений и обязательственных норм договорного характера. Дальнейшее развитие данной категории, вероятно, будет связано с уточнением ее содержания в практике договорных органов по правам человека и национальных судов, а также с постепенной гармонизацией подходов государств.

Историко-правовые основы и современная практика регулирования прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации

В зарубежной политико-правовой литературе Россия нередко характеризовалась через концепт «тюрьмы народов». Вместе с тем историко-правовой анализ показывает, что механизмы регулирования отношений с этническими общностями в российском государстве развивались по собственной траектории, отличной от классических зарубежных моделей. Представляется, что данная специфика обусловлена как пространственными особенностями формирования государства, так и характером интеграции новых территорий и народов в единую политико-правовую систему.

В процессе освоения Сибири, Арктики и Дальнего Востока в течение нескольких столетий в России постепенно складывалась система норм и институтов, направленных на включение местных этносов в государственную структуру при сохранении элементов их традиционного уклада. Данная модель не носила статичного ха-

рактера и эволюционировала в зависимости от социально-экономических условий и административных задач.

Значимым этапом институционализации соответствующих практик стало принятие в 1822 году «Устава об управлении инородцев» [14], подготовленного М. М. Сперанским. В данном документе фиксировалось, что «все оседлые инородцы сравниваются с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступят. Они управляются на основании общих узаконений и учреждений». Инородцы наделялись льготами: освобождались от рекрутской повинности, ряда налогов, подати платили по особому положению, пользовались свободой в вероисповедании и богослужении. В тех местах, где инородцы составляли большинство, они наделялись правом формировать собственные органы самоуправления. Таким образом, Устав закреплял принципы правового регулирования статуса оседлых, кочевых и полукочевых народов, включая положения о приравнивании оседлых инородцев к другим сословиям при вступлении в них, предоставлении налоговых льгот, освобождении от рекрутской повинности и сохранении свободы вероисповедания. В местах компактного проживания предусматривались элементы самоуправления. Для своего времени данный акт представлял собой систематизированную попытку нормативного урегулирования отношений с этнокультурно отличными группами населения. Представляется, что Устав отражал стремление к правовой интеграции при одновременном признании определенной автономии в сфере традиционного быта и хозяйствования. Правовые нормы, регулирующие систему управления территориями проживания самобытных этносов, для своего времени были прогрессивными и гуманными. Подобного законодательства в начале XIX века не имела ни одна страна мира.

В постсоветский период правовое регулирование межэтнических отношений претерпело существенные изменения. В начале 1990-х годов в российской официальной документации закрепляется термин «коренные народы», что связано с трансформацией политико-правовой системы и активным обращением к международным стандартам. Данный этап характеризовался поиском новых моделей федеративных отношений и перераспределением полномочий между уровнями власти.

Следует учитывать, что в международно-правовом смысле термин «коренные народы» традиционно применяется преимущественно в колониальном и постколониальном контексте. В отношении СССР и Российской Федерации вопрос о применимости данной категории носил дискуссионный характер, что признавалось и рядом зарубежных исследователей. В этой связи формирование российской правовой модели сопровождалось адаптацией международной терминологии к национальной специфике.

В действующем российском законодательстве закреплён термин «коренные малочисленные народы», отражающий особый подход к определению круга субъектов соответствующего статуса. В соответствии со ст. 69 Конституции Российской Федерации [15] государство гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. Одновременно конституционный текст подчеркивает необходимость сохранения этнокультурного и языкового многообразия всех народов России, что свидетельствует о стремлении к балансу между специальными гарантиями и общим принципом равенства.

Законодательство устанавливает количественный критерий (численность менее 50 тыс. человек), что придает категории формальную определенность. В настоящее время статус коренных малочисленных народов закреплён за 47 этническими группами, проживающими в различных макрорегионах страны. Представляется,

В постсоветский период правовое регулирование межэтнических отношений претерпело существенные изменения

что использование количественного критерия направлено на адресную поддержку наиболее социально уязвимых сообществ, хотя подобный подход также может становиться предметом научной дискуссии в части его универсальности. Проблематика местных общин (поморы, сибирские старообрядцы, компактные поселения представителей различных конфессий, включая иудаизм и различные течения протестантизма в СФО и ДФО) российским законодательством практически не регулируется.

Одновременно российское право оперирует понятием «самобытная этническая общность», что расширяет концептуальную рамку регулирования. В ряде конституций субъектов Российской Федерации содержатся положения, отражающие особенности распределения полномочий с учетом этнокультурной специфики. Такой подход свидетельствует о сочетании федеральных стандартов и региональной конкретизации. Так, например, в тексте Конституции Республики Саха (Якутия) 1992 года (в действующей редакции) [16] используется формулировка о защите и развитии самобытных этнических общностей, проживающих на территории республики, наряду с коренными малочисленными народами Севера. Данная категория применяется для более широкой характеристики этнокультурных групп, не всегда подпадающих под федеральное определение «коренных малочисленных народов», но обладающих исторически сложившейся культурной спецификой.

Вопрос регулирования статуса местных общин, не подпадающих под критерии «коренных малочисленных народов», остается менее детализированным. Это указывает на дифференцированный характер правового режима, в котором специальные гарантии предоставляются ограниченному кругу субъектов, тогда как иные формы этнокультурной организации регулируются преимущественно общими нормами.

В целом современная российская модель регулирования прав коренных малочисленных народов характеризуется сочетанием исторически сложившихся принципов интеграции и современных международных стандартов защиты этнокультурной самобытности. Представляется, что данная модель ориентирована на обеспечение культурного многообразия при сохранении единства правового пространства государства. Дальнейшее развитие правового регулирования, вероятно, будет связано с уточнением механизмов участия соответствующих сообществ в принятии решений и с совершенствованием инструментов социально-экономической поддержки.

Заключение

Проведенный анализ историко-правовых оснований и современной нормативной базы Российской Федерации позволяет сделать вывод о формировании комплексной модели регулирования прав коренных малочисленных народов, сочетающей конституционные гарантии, специальные федеральные законы и региональные механизмы реализации. Российский подход институционализирует особый правовой статус данной категории этнических общностей, одновременно интегрируя его в общее правовое пространство государства. Современные документы стратегического планирования России фактически признают роль коренных малочисленных народов в формировании российской государственности. Это радикально отличается от политико-правового признания и статуса коренных народов в других регионах мира.

Историческая ретроспектива демонстрирует преемственность в поиске правовых инструментов, направленных на согласование задач государственного развития и сохранения этнокультурной самобытности народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Современное законодательство, включая нормы о территориях традиционного природопользования, правовом статусе общин и гарантиях участия в принятии решений, формирует нормативную основу для защиты традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности.

В то же время практика правоприменения и позиция Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствуют о необходимости постоянного баланса между специальными гарантиями и принципами равенства, единства правового пространства и соразмерности ограничений. Правовой механизм защиты прав коренных малочисленных народов не может рассматриваться изолированно от общих конституционных принципов и обязан функционировать в их рамках.

С учетом международно-правовых стандартов и обязательств Российской Федерации дальнейшее развитие рассматриваемой сферы, по-видимому, будет связано с уточнением процедур участия представителей коренных малочисленных народов в принятии решений, затрагивающих их традиционные территории, совершенствованием механизмов согласования интересов в сфере природопользования и укреплением институциональных форм диалога между государством и этническими сообществами.

Таким образом, российская модель регулирования прав коренных малочисленных народов представляет собой динамично развивающуюся систему, в которой сочетаются историческая специфика, конституционные гарантии и современные правовые инструменты защиты культурного и социального многообразия.

Литература

1. Кислицына, Н. Ф. Защита прав коренных народов на международном уровне / Н. Ф. Кислицына. // RUDN Journal of Law. – 2011. – № 4. – С. 243–246.
2. Никитин, Ф. И. К вопросу о понятии и сущности права коренных народов на устойчивое развитие / Ф. И. Никитин // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15. – № 3. – С. 303–312. – DOI: <https://doi.org/10.33693/2072-3164-2021-15-3-303-312>.
3. Вензинг, Э. Права коренных народов, самоопределение и местное управление – Часть 1 / Э. Вензинг // Commonwealth Journal of Local Governance. – 2021. – № 24. – С. 98–123.
4. Гурвич, Г. Д. Правовой плюрализм. – Москва: Инфра-М, 2001. – 256 с.
5. Мосолова, Л. М., Бондарев, А. В., Зыкин, А. В. «Коренные народы» как конструирующий концепт / Л. М. Мосолова, А. В. Бондарев, А. В. Зыкин. – Москва; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – С. 21–28; 41–42.
6. Данилова, Н. В., Зайцева, Л. В., Шанаурина, Ю. В. Обеспечение прав коренных малочисленных народов Севера: хрестоматия / Н. В. Данилова, Л. В. Зайцева, Ю. В. Шанаурина. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2007. – 628 с.
7. Daes, E.-I. A. Working paper on the concept of «indigenous people». UN. Subcommission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities. Working Group on Indigenous Populations. – 1996 // UN Digital library. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/236429> (дата обращения: 04.03.2026).
8. Декларация Организации Объединённых Наций о правах коренных народов: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи 61/295 от 13 сентября 2007 г. // ООН: офиц. сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 04.03.2026).
9. Конвенция о коренных и племенных народах (№ 169): принята 27 июня 1989 г. Генеральной кон-

References

1. Kisliitsyna, N. F. The rights protection of indigenous peoples at the international level / N. F. Kisliitsyna. // RUDN Journal of Law. – 2011. – No. 4. – P. 243–246. (In Russian)
2. Nikitin, F. I. On the concept and essence of the right of indigenous peoples to sustainable development / F. I. Nikitin. // Gaps in Russian Legislation. – 2022. – Vol. 15. – No. 3. – P. 303–312. – DOI: <https://doi.org/10.33693/2072-3164-2021-15-3-303-312>. (In Russian)
3. Wensing, E. Indigenous peoples' human rights, self-determination and local governance – Part 1 / E. Wensing. // Commonwealth Journal of Local Governance. – 2021. – No. 24. – P. 98–123. (In Russian)
4. Gurvich, G. D. Legal pluralism / G. D. Gurvich. – Moscow: Infra-M, 2001. – 256 p. (In Russian)
5. Mosolova, L. M., Bondarev, A. V., Zykin, A. V. “Indigenous peoples” as a constitutive concept / L. M. Mosolova, A. V. Bondarev, A. V. Zykin. – Moscow; Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2024. – P. 21–28; 41–42. (In Russian)
6. Danilova, N. V., Zaitseva, L. V., Shanaurina, Yu. V. Ensuring the rights of the indigenous small-numbered peoples of the North: anthology / N. V. Danilova, L. V. Zaitseva, Yu. V. Shanaurina. – Tyumen: Tyumen State University Press, 2007. – 628 p. (In Russian)
7. Daes E.-I. A. Working paper on the concept of “indigenous people”. UN. Subcommission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities. Working Group on Indigenous Populations. – 1996 // UN Digital library. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/236429> (accessed: 04.03.2026)
8. United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples: adopted by General Assembly resolution 61/295 of 13 September 2007 // UN: official site. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (accessed: 04.03.2026). (In Russian)
9. Indigenous and Tribal Peoples Convention (No. 169): adopted on 27 June 1989 by the General

- ференцией Международной организации труда.
// ООН: офиц. сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения: 04.03.2026).
10. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией Генеральной Ассамблеи 2200 А (XXI) от 16 декабря 1966 г. // ООН: офиц. сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 04.03.2026).
11. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи 2106 (XX) от 21 декабря 1965 г. // ООН: офиц. сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 04.03.2026).
12. Кодекс северных народов: сборник правовых актов в сфере защиты прав коренных малочисленных народов России. – Москва: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2023. – 264 с.
13. Конвенция о биологическом разнообразии // ООН: офиц. сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 04.03.2026).
14. Высочайше утвержденный Устав от 22 июля 1822 г. «Об управлении инородцев» // Гарант: офиц. сайт. – URL: <https://base.garant.ru/58102533> (дата обращения: 04.03.2026).
15. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными 01.07.2020) // Консультант-Плюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 04.03.2026).
16. Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) (с изменениями и дополнениями) // Гарант: офиц. сайт. – URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_saha (дата обращения: 04.03.2026).
- Conference of the International Labour Organization // UN: official site. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (accessed: 04.03.2026). (In Russian)
10. International Covenant on Civil and Political Rights: adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of 16 December 1966 // UN: official site. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (accessed: 04.03.2026). (In Russian)
11. International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination: adopted by General Assembly resolution 2106 (XX) of 21 December 1965 // UN: official site. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (accessed: 04.03.2026). (In Russian)
12. Code of the Northern Peoples: collection of legal acts in the field of protection of the rights of indigenous small-numbered peoples of Russia. – Moscow: Interregional Center for Library Cooperation, 2023. – 264 p. (In Russian)
13. Convention on Biological Diversity // UN: official site. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (accessed: 04.03.2026). (In Russian)
14. Charter of 22 July 1822 “On the Administration of Non-Russian Peoples” // Garant: official site. – URL: <https://base.garant.ru/58102533> (accessed: 04.03.2026). (In Russian)
15. Constitution of the Russian Federation: adopted by nationwide vote on 12 December 1993 (with amendments approved on 1 July 2020) // ConsultantPlus: official site. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (accessed: 04.03.2026). (In Russian)
16. Constitution (Basic Law) of the Republic of Sakha (Yakutia) (with amendments) // Garant: official site. – URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_saha (accessed: 04.03.2026). (In Russian)